

В.А. Андоскина (Санкт-Петербург, Россия)

**«Это не зеленый, а скорее матовый»:
определение «матовый» в прозе и драме А.П. Чехова и его современников¹**

Аннотация: В статье рассматривается употребление слова «матовый» А.П. Чеховым и его современниками, уточняется значение этого цветообозначения и границы его использования: на основе анализа примеров из Национального корпуса русского языка и прозы и драмы Чехова делается предположение о том, что определение «матовый» употреблялось при описании не только шероховатой поверхности какого-либо предмета, но и его цвета: приглушенного, имеющего дополнительный оттенок (как правило, серый). Материалы, предложенные в статье, могут быть использованы при составлении комментария к прозе и драме А.П. Чехова.

Ключевые слова: А.П. Чехов, «Три сестры», реальный комментарий, название цвета, цвет в литературе, матовый

V.A. Andoskina (St. Petersburg, Russia)

**“It is not green, more likely matte”: The Definition “matte” in Chekhov’s
and His Contemporaries’ Prose and Drama**

Abstract: The article explores the use of the definition “matte” by Chekhov and his contemporaries and clarifies its meaning. The article states that the definition was used for naming not only rough and rugged surface, but also for describing the muted, earth colour. The research was conducted using The Russian National Corpus. The materials provided in the article can be used in notes to Chekhov’s works.

Key words: Anton Chekhov, “Three sisters”, historical notes, colour’s definition, colours in literature, matte

Названия цветов относительно устойчивы и изменяются не так стремительно, как реалии или культурный контекст той или иной эпохи, – цвета в русской классике второй половины XIX в. едва ли нуждаются в комментариях. Однако иногда обозначение цвета все же может оказаться недостаточно понятным с течением времени, как, например, определение «матовый» в «Трех сестрах»:

Ольга. <...> (*Вполголоса испуганно.*) На вас зеленый пояс! Милая, это не хорошо!
Наташа. Разве есть примета?

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00978, <https://rscf.ru/project/22-28-00978/>, СПбГУ.

Ольга. Нет, просто не идет... и как-то странно...

Наташа. (*плачущим голосом*). Да? Но ведь это не зеленый, а скорее матовый¹.

В «Большом толковом словаре русского языка» (2014) «матовый» определяется как 1) не имеющий блеска, глянца; 2) непрозрачный; 3) ровный, мягкий, без яркого румянца (о цвете кожи); 4) неяркий, мягкий (о свете, блеске и т.п.)². Первые два значения более распространены в настоящее время, два других менее употребительны, однако все они предполагают понимание матового как свойства поверхности предмета или особенности его цвета, но не цвет как таковой. Зеленый и матовый в современном значении соотносятся так же, как желтый и глянцевый или красный и яркий, т.е. не противопоставляются, – вероятно, для современного читателя оправдание Наташи будет не вполне ясным. Разумеется, распространенное сейчас понимание матового не как цвета, а как характера поверхности – слабо отражающей свет, негладкой – существовало и во второй половине XIX в. Так, в современном Чехову «Словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка», матовый определяется как «не имеющий блеска, лоска, мутный»³: «<...> он <пол> матовый, чтобы не был слишком скользок»⁴ (Н.Г. Чернышевский, «Что делать?», 1863), «<потолок> должен быть окрашен в совершенно белый, но не блестящий, а матовый цвет» (Ф.Ф. Эрисман, «Школьная гигиена», 1871–1908), «большие и малые, высокие и низкие, с пуговицами и без пуговиц, лакированные и матовые – раздолье! <о сапогах>» (А.О. Осипович (Новодворский), «Карьера», 1880), однако оно не было единственным и самым частотным.

В монографии А.П. Василевича, С.Н. Кузнецовой и С.С. Мищенко «Цвет и названия цвета в русском языке», посвященной в том числе и изменениям названий цветов, матовый представлен именно как цвет и определяется следующим образом: «Матовый – нем. *matt* ‘слабый, тусклый’; в отличие от нынешнего значения ‘молочно-белый’ подразумевало оттенок сине-зеленого цвета»⁵. Однако с этим толкованием можно согласиться лишь отчасти.

Соотнесение матового и белого действительно было распространенным в XIX в., но, как правило, в определенном контексте: «матовая бледность» обыкновенно была свойством лица или шеи: «цвет лица, ровный и матовый, ни дать ни взять слоновая кость или молочный янтарь» (И.С. Тургенев, «Вешние воды», 1872). Часто белой и матовой называли кожу молодой и красивой девушки или женщины, некоторые исключения из этого правила подтверждают его: «Вообще же тело его <Обломова>, судя по матовому, чересчур белому свету шеи, маленьких пухлых рук, мягких плеч, казалось слишком изнеженным для мужчины» (И.А. Гончаров, «Обломов», 1859). В то же время матовой могла быть названа кожа не только светлая или белая, но и розоватая: «цвет ее щек, еще *румяный* <здесь и далее курсив мой. – В.А.>, носил матовый оттенок» (И.Н. Потапенко, «Не герой», 1891); смуглая: «на ее *смуглом*, матовом лице замерла надменность царицы» (М. Горький, «Макар Чудра», 1892); темная: «*бледно-черные*, матовые тела <мулатов>» (И.А. Гончаров, «Фрегат Паллада», 1855), «*черные* лица матового цвета <темнокожих аргентинцев>» (П.Л. Гершензон, «Письма сыновьям», 1893–1896).

¹ Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 13. М., 1978. С. 136. В дальнейшем произведения Чехова цитируются по этому изданию с указанием тома и страницы. Серия писем обозначается П.

² Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова: gramota.ru/slovari/info/bts/ (дата обращения: 03.07.2023).

³ Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб., 1894. С. 506.

⁴ Здесь и далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка: ruscorpora.ru/ (дата обращения: 03.07.2023).

⁵ Василевич А.П., Кузнецова С.Н., Мищенко С.С. Цвет и названия цвета в русском языке. М., 2005. С. 170.

Такое понимание матового как ровного делает более понятным и «матовый свет»; например, «матовое освещение свечи» (Л.Н. Толстой, «Разжалованный (Из кавказских воспоминаний)», 1856), «матовый отсвет ночной лампочки» (В.В. Крестовский, «Петербургские трущобы» (1864). «Матовый свет» – действительно не только неяркий и тусклый, но и мягкий, рассеянный и приглушенный: «*мягко* разливается матовый электрический свет» (Н.Г. Гарин-Михайловский, «По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову», 1898); «сквозь матовые отпавшие их узоры стекла пробивался *мягкий, ровный* свет» (М.Н. Волконский. «Мальтийская цепь», 1891); «Серые, как бы закоптевшие тучи густыми наслоениями заволокли весь горизонт. Сквозь них, *как сквозь грязное, матовое стекло*, едва-едва пробивается солнечный свет» (Ф.Ф. Тютчев, «Кто прав? (Из одной биографии)», 1892). Лунный свет часто называли матовым: «полный месяц обливал землю матовым серебряным блеском» (Ф.М. Достоевский, «Скверный анекдот», 1862), «<...> золоченые главы всплывали в матовом сиянии луны» (П.Д. Боборыкин, «Китай-город», 1882) и т. д. Возможно, определение света как матового в какой-то степени метафорично – это свет, как бы проходящий сквозь матовое стекло: «матовые ламповые шары» (М.Н. Альбов, «На точке», 1888), «ширмочки из матового стекла» (И.А. Бунин, «Учитель», 1894), «дверь с матовым стеклом» (В.Г. Короленко, «Без языка», 1895) и др.

Однако матовый цвет (или, вернее, оттенок цвета) все же существовал; определения, приведенные выше, позволяют более явно вообразить матовый цвет пояса Наташи. Современники Чехова называли матовым цвет не столько блеклый, сколько сложный, имеющий оттенок серого, серебристого или – реже – черного: «*бледно-матовый* тон шведских перчаток соответствовал *бледно-серому* колеру клетчатых панталон» (И.С. Тургенев, «Новь», 1877); «нежно-матовыми *серебряными* столбиками, с *сероватыми* поперечными кольцами, стояли частые стволы деревьев» (И.С. Тургенев, «Новь», 1877); «море слегка колебалось и вместе с небосклоном более и более тускнело, как бы подергиваясь матовыми *черноватыми* пеленами» (А.Ф. Писемский, «Путевые очерки», 1857) и т. д. Матовый – имеющий некое серебристо-серое напыление, воображаемое или реальное: «в Лондоне он поселился <...> в глухом переулке Фулама, населенном матовыми, *подернутыми чем-то пепельным*, ирландцами» (А.И. Герцен, «Былое и думы. Часть седьмая», 1866); «трава, улитая дождем, блестела под косыми лучами солнца матовым блеском, *словно опушенная инеем*» (М.Е. Салтыков-Щедрин, «Современная идиллия», 1877–1883). Вероятно, пояс Наташи, – если допустить, что Наташа назвала его матовым осознанно, – был именно таким: «подернутым чем-то пепельным» и «словно опушенным инеем», что вполне допускает сравнение этого цвета с зеленым.

Определение «матовый» достаточно редкое для Чехова. В его опубликованной прозе, драме и переписке «матовый» встречается 18 раз и употребляется во всех значениях, перечисленных выше. Интересно, что клише «красавица с белой матовой кожей» Чехов использовал лишь однажды, пародийно и в частном письме [П2, 119]. Более редкий как для прозы Чехова, так и для литературы его времени «матовый взгляд» упоминается только в одном из ранних рассказов [5: 429], как и «однозначное» определение матового как противоположного глянцевого («черные матовые с одним *блестящим* ободочком <пуговицы>») [6: 55].

В остальных случаях это определение используется в «литературных пейзажах». Конечно, матовые горы, небо или вода не были открытием только чеховским – такие определения встречались и ранее, некоторые из них могли быть

известны Чехову: «ярко-белые, матовые массы снеговых гор» (Л.Н. Толстой, «Набег», 1853), «полный месяц затеплился на матовом небе» (И.И. Лажечников, «Беленькие, черненькие и серенькие», 1856), «<...> внизу синел неподвижный пруд, окруженный бледно-зелеными ракетами, которые темно отражались на его матовой, как бы выпуклой поверхности» (Л.Н. Толстой, «Юность», 1857) и др. В то же время в числе примеров из Национального корпуса русского языка не обнаружено матовых тумана или луча, которые встречаются у Чехова, что, разумеется, не доказывает уникальности этих описаний, но показывает своеобразие «чеховского» матового.

Как правило, у Чехова не преобладает один из признаков «матовости» (например, непрозрачность или тусклость), напротив, акцентируется многогранность этого определения, его способность передать одновременно цвет и текстуру, которую можно не только видеть, но и осязать. Как, например, в одном из ранних описаний лунной ночи необычная «матовость» тумана (к тому же освещенного луной) подчеркивается его сравнением с более привычными, как и более «материальными», матовыми стенами или морем: «Тихая августовская ночь. С поля медленно поднимается туман и матовой пеленой застилает все, доступное для глаза. *Освещенный луною*, этот туман дает впечатление то *спокойного, беспредельного моря*, то *громадной белой стены*» [4: 126].

В рассказе «Верочка» от схожего развернутого описания тумана остается только метафора, которая становится более «вещественной»: пелена, похожая на море или стену, превращается в вуаль, причем прозрачную (в то время как определение «матовый» использовалось для описания скорее непрозрачности). Большую материальность туману придает не только замена «абстрактной» пелены вполне конкретной вуалью, но и реализация метафоры: сгущаясь, туман не только белеет, но и сбивается в клокья, а олицетворение делает его еще более «осязаемым»:

Точно прикрытая вуалью, вся природа пряталась за прозрачную матовую дымку, сквозь которую весело смотрела ее красота; туман, что *погуще* и побелее, неравномерно ложился около копен и кустов или *клокьями* бродил через дорогу, жался к земле и как будто старался не заслонять собой простора [6: 73].

В «Свирели» матовый туман «овеществляется» сравнением с матовым стеклом, по которому скользят солнечные лучи: «По туману и косым дождевым полосам, как по матовым стеклам, заскользили светлые пятна, но тотчас же угасли – это восходившее солнце старалось пробиться сквозь облака и взглянуть на землю» [6: 324]. Интересно, что в этом пейзаже лучи, которые освещают туман и дождевые полосы, «материализуются» вместе с ними.

Похожие солнечные лучи дважды упоминаются в «Драме на охоте». Матовый луч можно считать вариантом матового света (распространенного и привычного для читателей чеховского времени), однако показательно, что такой свет у Чехова «материализуется» – так же, как и туман. Оба луча в «Драме на охоте» описываются как осязаемые, но в разной степени: один из них *покрыт* матовой белизной, другой наполнен густым дымом ладана, – воробей, кружащий по церкви, не пролетает сквозь этот луч, а «окунается» в него:

От окна до моей кровати шел широкий солнечный луч, в котором, гоняясь одна за другой и волнуясь, летали белые пылинки, отчего и сам луч казался *подернутым матовой белизной*... Луч то исчезал с моих глаз, то опять появлялся, смотря по тому, входил ли в область луча или выходил из нее шагавший по моей спальне наш милейший уездный врач Павел Иванович Вознесенский [3: 288];

Я помню хорошее воскресное утро. В окна графской церкви видно прозрачное, голубое небо, а всю церковь, от расписного купола до пола, пронизывает матовый луч, в котором весело играют клубы ладанного дыма... В открытые окна и двери несется пение ласточек и скворцов... Один воробей, по-видимому, смельчак большой руки, влетел в дверь и, покружившись с чириканьем над нашими головами, *окунувшись несколько раз в матовый луч*, вылетел в окно... [3: 315–316].

Однако позднее Чехов, не отказываясь от «материализации» неосязаемых состояний природы и явлений, почти не употреблял определения «матовый». Так, в одном из вариантов описания Волги в «Попрыгунье» это определение дополнялось сравнением холодной воды с затянутым облаками небом («матовая, холодная на вид / матовая оттого, что в ней отражалось облачное небо, и холодная на вид» [8: 350]), но в окончательной редакции «матовость» описывается более лаконично: «Волга уже была без блеска, тусклая, матовая, холодная на вид [Попрыгунья, 8: 17]. Соотнесение двух веществ различной природы заменяется указанием на отсутствие блеска – признаком, более привычным при описании воды, но не облаков.

Последний рассказ, в котором упоминается определение «матовый», – «Ариадна»: здесь определение, которое может характеризовать особенности как поверхности, так и окраски, используется для обозначения цвета. Матовый цвет встречается также в «Скучной истории» («для ленивого тела – мягкие кушетки, мягкие табуретки, для ленивых ног – ковры, для ленивого зрения – линючие, тусклые или матовые цвета [7: 273]), но в «Ариадне» матовый не столько тусклый, сколько имеющий серебристое «напыление»:

Усадьба наша находится на высоком берегу быстрой речки, у так называемого быркового места, где вода шумит день и ночь; представьте же себе большой старый сад, уютные цветники, пасеку, огород, внизу река с кудрявым ивняком, который в большую росу кажется немножко *матовым, точно седеет*, а по ту сторону луг, за лугом на холме страшный, темный бор [Ариадна, 9: 109].

Два года спустя Чехов использует определение «матовый» в том же значении, но уже в пьесе. Вероятно, пояс Наташи в «Трех сестрах» был того же цвета: не «чистого» зеленого, а сложного, приглушенного и ровного (серо-зеленого, сине-зеленого, сизого и проч., при этом пояс, возможно, был шероховатым и лишенным блеска), что и необходимо – с привлечением материалов, описанных выше, – отразить в комментарии к этой пьесе.

ЛИТЕРАТУРА

Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова: gramota.ru/slovari/info/bts/ (дата обращения: 03.07.2023).

Василевич А.П., Кузнецова С.Н., Мищенко С.С. Цвет и названия цвета в русском языке / Под общ. ред. А.П. Василевича. М: КомКнига, 2005. 216 с.

Национальный корпус русского языка: ruscorpora.ru/ (дата обращения: 03.07.2023).

Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / Под ред. А.Н. Чудинова. СПб., 1894. 992 с.

Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 18 т. Письма: В 12 т. М.: Наука, 1974–1983.

REFERENCES

Chekhov A.P. The Complete Works and Letters: In 30 vols. Moscow. Nauka Publ. 1974–1982.
The Dictionary of Foreign Words Included in the Russian Language. St. Petersburg. 1894. 992 p.

The Large Explanatory Dictionary of the Russian Language: gramota.ru/slovari/info/bts/ (date accessed: 07.03.2023).

The Russian National Corpus: ruscorpora.ru/ (date accessed: 07.03.2023).

Vasilevich A.P., Kuznecova S.N., Mishhenko S.S. (2005) Colour and Colour's Names in Russian. Moscow. KomKniga Publ. 216 p.

Сведения об авторе:

Валерия Андреевна Андоскина,
лаборант-исследователь
филологический факультет
СПбГУ

Valeriia A. Andoskina,
Research Assistant
Faculty of Philology
St Petersburg University

v.andoskina@spbu.ru